

18+



С ПОНЕДЕЛЬНИКА ПО ЧЕТВЕРГ

Моя прабабушка была рекой

Мария Еремина

Моя прабабушка была рекой

«Издательские решения»

Еремина М.

Моя прабабушка была рекой / М. Еремина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601620-0

Этот сборник посвящён историям, так или иначе связанным с героинями локального фольклора. География сборника обширна: здесь можно найти множество историй, которые основаны не на общеизвестных русских народных сказках, а на уральских сказах, алтайских и кавказских легендах, якутских мифах. Обширны и временные рамки первоисточников: от древних былин и быличек до советских страшилок и городских легенд.

ISBN 978-5-00-601620-0

© Еремина М.
© Издательские решения

Содержание

Моя прабабушка была рекой	6
Любка	8
Река Сурена	12
Йома	18
Дочки-матери	27
Коряга	34
Бабушка, я вернулась	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Моя прабабушка была рекой

Авторы: Еремина Мария, Шукарнова Александра, Разваляева Анастасия, Шпортько Ольга, Касьянова Анастасия, Горислав Алиса, Калужская Валерия, Ковалёва Виктория, Серебрянная Анна, Ижицкая Анна, Яцюк Вероника, Кардовская Агния, Серебрянская Элен, Тушинская Анна, Добросердова Полина, Лунегова Ксения, Корх Елена, Метлицкая Анна, Озёрная Женя, Рушева Ирина, Седунова Алевтина, Матвеева Светлана, Климова Маня, Крот Арсения

- © Мария Еремина, 2024
- © Александра Шукарнова, 2024
- © Анастасия Разваляева, 2024
- © Ольга Шпортько, 2024
- © Анастасия Касьянова, 2024
- © Алиса Горислав, 2024
- © Валерия Калужская, 2024
- © Виктория Ковалёва, 2024
- © Анна Серебрянная, 2024
- © Анна Ижицкая, 2024
- © Вероника Яцюк, 2024
- © Агния Кардовская, 2024
- © Элен Серебрянская, 2024
- © Анна Тушинская, 2024
- © Полина Добросердова, 2024
- © Ксения Лунегова, 2024
- © Елена Корх, 2024
- © Анна Метлицкая, 2024
- © Женя Озёрная, 2024
- © Ирина Рушева, 2024
- © Алевтина Седунова, 2024
- © Светлана Матвеева, 2024
- © Маня Климова, 2024
- © Арсения Крот, 2024

ISBN 978-5-0060-1620-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моя прабабушка была рекой

Народное творчество часто безжалостно урезают, чтобы вывести желанную формулу о покорной девушке в сарафане, которая скромно дожидается спасения, а потом так же скромно растворяется в тени своего спасителя, а любые яркие героини в опирающихся на фольклор произведениях тут же получают клеймо осовремененных и неправдоподобных.

Вот только правда выглядит не так. Правда в том, что народное творчество навеки сохранило множество интереснейших женских образов: сильных и хитрых, великодушных и коварных, мстительных и спасающих, беспомощных и всемогущих – самых разных женщин.

Этот сборник посвящён историям, так или иначе связанным с героинями локального фольклора. Сюда вошли три десятка текстов разного авторства: рассказы и стихи, прошедшие отбор в конкурсе ВК-группы «с понедельника по четверг».

Иллюстрацию на обложке предоставила победительница художественного конкурса в этом же сообществе – Алина Потапова. Обложка иллюстрирует симбирскую легенду о Маришкином озере: историю о красавице Марине, которая ждала своего жениха из военного похода, но злые языки заставили её поверить, что тот погиб, – и Марина бросилась в озеро с горя.

Работы внутри сборника принадлежат финалистке худконкурса – Валерии Береговой. Открывающая иллюстрация изображает полудницу, закрывающая – птицу Сирина.

Полудница – опасный для человека женский дух в славянской мифологии, воплощение полудня и солнечного удара. Охраняет поля и посевы, как от солнца, так и от людей.



Любка

Александра Шукарнова

Лешачка влюбилась летом. Ну, или подумала, что влюбилась. Увидела Мишкины карие глазищи, широкую улыбку, услышала голос – глубокий, удивительный, не низкий и не высокий, похожий на ветер в сосновых макушках, на шум полноводного ручья, и пропала.

То, что Мишка – это именно Мишка, Лешачка узнала случайно. Его так называла девушка, маленькая, юркая, беленькая – настоящая мышка. Дёргала его за руку, оббегала кусты, заглядывала под ёлки – грибы искала, а когда находила – радовалась, обзывала маслята нехорошими словами, мудрёными:

– Мишка, это болетация, класс!

Мишка и Мышка. Одно слово – студенты.

Не разобравшись в своих чувствах, лесовка бросила в ребят горсть ягод.

– Ух ты, репис, Миш!

ТЬфу.

Ходила к Деду, хлопала зелёными глазищами, плакала. Дед качал головой, скрипел корой-кожей, хмурился мшистыми бровями:

– Влюбилась? В человека?! Да сроду такого не было. Вот если бы наоборот... кхм.

Что понималось под «кхм», Лешачка прекрасно знала. Её собственную бабушку, по слухам, Дед украл. Была у лесной нечисти такая традиция – уводить понравившихся девушек от людей и на них жениться. И люди об этом прекрасно знали, девчонок поодиночке в лес старались не пускать. А чтобы лесовичка позарилась на человеческого мужчину...

Мишка и Мышка ходили в лес часто. Лешачка не то чтобы шпионила за ними – скорее, приглядывала. Во всяком случае, сама себе она это объясняла именно так. Ну, чтобы веток не ломали, костров не жгли, не пугали зверей в чаще. В конце концов, это же её работа, да?

Да.

Тот, кто сказал, что у леших вместо сердца – клубок из веток, был дурак. Лешачка это прекрасно знала. Сердце у неё было наверняка, иначе как объяснить то, что тревожно сжимается что-то в груди при виде Мишки?

Ребята в лесу не шалили. Разве что собирали листья, грибы и ягоды. Лес был смешанным, всего этого добра хватало в избытке. Правда, зачем людям листья, лесовка не очень поняла – ну да им, городским, виднее. Хотя... это ведь можно выяснить.

Со временем Лешачка осмелела и решила появиться перед людьми. Долго готовилась, прихорашивалась, продумывала место и облик, время, слова, которые скажет. В итоге запуталась и просто возникла на тропинке, как есть: в зелёном платье, с зелёными волосами. И спросила:

– А зачем вам листья?

Парочка, которая на этот раз придирчиво разглядывала кленовые кроны, синхронно подпрыгнула.

– Г-гербарий собираем, – ответила Мышка.

– Привет, – отозвался Мишка.

И улыбнулся, как старой знакомой.

С того дня прогулки по лесу совершались втроём. Лешачка и студенты-биологи как-то неожиданно легко и быстро сдружились. Общих тем для разговоров хватало – ребят интересовали растения, Лешачка же знала их все и охотно показывала, что где растёт. Разве что с названиями иногда получалась путаница. То, что Мышка звала каким-нибудь тараксакумом,

Лешачка величала пустодем. Но лесовичка не обижалась: Мышка была доброй и весёлой, знала много умных слов и охотно объясняла всё, о чём Лешачка спрашивала.

Оказалась, понятно, что Мышка совсем не Мышка, а Ксюша. А Мишка... ох, Мишка. Он относился к обеим девушкам одинаково. Вежливо, дружелюбно. Лесовка разглядывала его украдкой, чувств своих не показывала, но ловила каждое слово: про сессию, про новый мотоцикл, который обещали родители, про приятелей, что остались в городе.

Лешачку как-то сразу приняли за местную жительницу и странных вопросов не задавали, благополучно придумав ответы самостоятельно. Девушка и девушка. В деревне её не видели, значит, живёт где-то в другом месте. В посёлке за лесом? Ладно. Выглядит помладше студентов, значит, учится в школе, а что волосы зелёные – так краска везде продаётся, ничего удивительного. Распалившись, она даже представилась Лешкой, и Мышка, то есть Ксюша, решила, что это производное от Алексии. Лешачка не спорила. Имён лешим не полагалось, а это показалось ей очень красивым.

Спорить пришлось потом, когда Дед прознал про своеволие. Показываться людям на глаза без особой надобности у лесного народа, мягко говоря, было не принято.

– В дубу запру, волков приставлю, ишь, что удумала, окаянная!

– Дедушка, они хорошие...

– У-у-у, я тебе... Чтоб к людям больше – ни ногой!

Характер у Деда был как майский ливень. Старый лешак мог налететь стремительно, устроить взбучку, но ласков был и отходчив. И юная лешачиха это знала.

– Дедушка, я тебе кислицы нарвала.

– Кыш!

– Огуречник бери, твой любимый.

– Векша ты лукавая, лисица плутливая... Ладно уж, давай, что ты там насобирала.

Закусив как следует, Дед смягчился. С городскими общаться разрешил. Мало ли, не придёт Лешачка – пойдут по деревне искать, спрашивать, может, знает её кто. Не нужно это. Но велел быть настороже, глупостей не делать.

И Лешка честно старалась. В гости к ребятам не ходила, хотя те звали, к себе, понятно, не приглашала.

Мишка и Ксюша не были парой. Скорее, друзьями детства. Вместе росли, вместе учились. Лучшими подругами были их матери. Они и арендовали на лето большой пустующий дом в деревне.

Узнав об этом, Лешка возликовала. Получается, Мышка ей не соперница, делить им нечего, и...

Глупость лесовка сделала лишь однажды. Зато какую глупость! Огромную, несусветную.

Лешка повела ребят смотреть любку, лесную царицу. Не было в чаще цветка прекраснее. Знающие люди рассказывали, что любка открывает тайны и приносит счастье. Что аромат одного крохотного цветка удивительным образом разносится на много метров вокруг. Что отыскать любку просто так человеку не под силу – разве что леший покажет. Всё было правдой.

У Ксюши при виде цветка загорелись глаза.

– Лесная орхидея! Настоящая!

Девушка принялась разглядывать редкий цветок. Лицо её выражало полный восторг. А Миша пожал плечами и сказал своим волшебным голосом, что ожидал большего.

Как Серый ступил на поляну, никто не заметил, даже Лешка. Слишком уж она оторопела от Мишиных слов. Разве можно так – про главное лесное чудо? Но когда дряхлый волк вежливо рыкнул, здороваясь с лесовкой, внимание на него обратили все. Мышка испуганно замерла, Мишка отступил ей за спину, а Лешка всерьёз рассердилась:

– Совсем из ума выжил, Серый? Зачем людей пугаешь? Вот тебе Дед задаст! А ну-ка, кыш домой!

Волк скорчил виноватую морду, припал к земле и отполз за куст. Но ребята ещё долго были в ступоре. Лешка прикусила язык в ожидании вопросов, но их не последовало. Расходились почти молча, толком не прощаясь.

Лешачка носилась по чаще, будто сама не своя. Оборачивалась сорокой, бестолково летала, ругалась по-птичьи от избытка чувств. Вилась лисой по знакомым тропкам. Ползала змеей между стволов. Но привычные развлечения не приносили покоя.

Боялась Лешка не столько Дедова гнева, сколько того, что ребята больше в лес не придут. Ксюша испугалась, а Мишка... с Мишкой, если честно, видеться даже не хотелось. Во-первых, не понятно, как объясняться. Во-вторых, лесовке с каждым днём казалось, что в чём-то она ошиблась. Не ручей Мишка, а так... Лужа.

Через три дня в лес пришла Ксюша. Одна.

Лешка заметила её сразу, сама ведь незримо караулила на той поляне, где они обычно встречались – «мне через лес отсюда домой совсем не далеко, и вам тоже».

Ксюша ступила на прогалину, боязливо осмотрелась и закричала:

– Лешка!

Лешачка вжалась в древесный ствол – будто забыла, что и так невидима.

– Леш-ка! Алексия!

Разговаривать с Ксюшей не хотелось. Нет, можно, наверное, сочинить что-нибудь, а хоть бы и рассказать не то правду, не то сказку: верят у нас, дескать, в деревне, в некоего Деда, которого все звери слушаются. Но почему-то не хотелось.

А Ксюша не унималась. Ещё пару раз крикнув «Лешка!», она нахмурилась, что-то обдумывая, вышла на середину поляны, уселась на старый осиновый пенёк и вдруг крикнула:

– Лешка-Лешачка, зверям хозяйка, явись сюда! Навроде человека явись!

Оторопевшая лесовка отклеилась от сосны и вдруг поняла, что испытывает облегчение. Будь что будет, дров она уже наломала, зато и врать больше не надо.

– Я здесь, – ответила она.

И стала видимой.

На лице Ксюши смешались и испуг, и радость. И Лешка почувствовала, что улыбается в ответ.

Конечно, Мышка-Ксюша обо всём догадалась. Не сразу, понятно. Но как-то так одно к одному складывалось: не было в лесу ни одной травы, что Лешка не могла назвать, ходила-водила она вовсе без троп, и ни разу не заблудилась, посёлка за лесом нет никакого, ближайший – в сотне километров, и платье это зелёное, и волосы ещё... Догадывалась, да. Но поверила не сразу. Дурной Серый окончательно убедил.

Лешачка виновато пожала плечами. И увидела, что Ксюша разглядывает её как-то по-новому, с восторгом. Как редкий цветок, чудо лесное. Хотя Лешка – оно и есть.

Ксюша опять заговорила. О том, чтобы Лешка не переживала – она никому не расскажет. И о том, как она рада, что лесовики не выдумка. Что Мишка испугался, высказал всё, что думает про деревню, лес и прочее, собрался и уехал в город в тот же день. И ей, Ксюше, тоже скоро уезжать, но она хотела увидеться. А ещё – попрощаться.

– И... Лешка, можно, я ещё приду? У меня столько вопросов!

– Цыц!

На поляне вдруг потемнело, в глубине леса охнуло, и на поляне появился Дед. Лешка зажмурилась, но прежде взглянула на Ксюшу: та впала в какое-то оцепенение, смотрела вперёд невидящим взглядом и покачивалась.

– Доигралась? – громовым голосом спросил старый леший.

– Дед...

– Что – дед? Предупреждал я тебя, что худо будет?

Лешка кивнула.

– И что мне с вами делать теперь, с неслухами?

– Дед, Ксюша никому не скажет, точно не скажет, я...

– Ага, не скажет она. Как она тебя кликала? «Зверей лесных хозяйка!» Ушлая девка какая, заговор где-то нашла. Того и гляди, толпу сюда приведёт, чудо-чудное показывать, нас, то бишь. А то и книжку какую напишет. Тьфу!

Дед топнул ногой, земля вздрогнула, с ближайшей сосны с визгом взвились клёсты. Под ноги ему упала шишка. Леший покачал косматой головой.

– Ладно уж. Подруженьку твою надо заморочить, как следует. Как вернётся она домой, помнить всё будет, но смутно, будто приснилось ей. А с тобой разговор особый...

Через неделю вернувшийся в город Миша радостно обкатывал новенький мотоцикл. А Мышка-Ксюша получила странную посылку, на которой не был указан отправитель. В коробке нашёлся бережно укутанный в толстый слой мха цветочный горшок с ростком лесной орхидеи.

И Ксюшиному счастью не было предела:

– Любка! Лесное чудо! Совсем как во сне.

В то же самое время под сенью старого леса прогуливались двое. Огромный старик, лохматый, скрюченный, похожий на древнее дерево, и тоненькая девушка с зелёными волосами. Шли неспешно, совсем как люди.

Старик сокрушался, что молодёжь пошла непуганая, любопытная, да ещё и найти теперь, что хочешь, может мгновенно. Через этот, как его... интернет! Раньше вон, кто чего слышал, другому рассказал, обоих заморочил, да и дело с концом. А теперь все всё про всех знают. Тьфу!

– Дед, а я вот слышала, что лешие могут жить среди людей, – тихонько говорила девушка.

И старик грозил ей скрюченным пальцем:

– Ой, лиса ты хитромудрая! Да зачем оно тебе надо? Что ты там не видела? Ну... могут, да.

– Дед... а в университет лешие поступали? Ну... так, чисто теоретически?

ИСТОЧНИК

Лешачка, лешачиха, лешая – лесной дух женского пола. Также как леший, лешачка имеет множество образов, один из них: девушка в белом или красном сарафане, с распущенными волосами со вплетёнными в них зелёными веточками.

В белорусской мифологии как отдельные героини присутствуют внучки Гаюна или лешего – гаёвки, молодые, проказливые девушки, которые любят всё живое. На зиму гаёвки покрываются шерстью, а весной и летом выглядят как обычные девушки. Это позволяет им сбегать из-под присмотра деда и веселиться вместе с деревенской молодёжью. В минуты опасности гаёвки умеют становиться невидимыми.

«Дай вам бог каждому... увидеть хоть раз в жизни, как расцветает в безмолвном и неподвижном лунном свете ночная фиалка, ночная красавица, ночница, любка, люби меня, не покинь, а по-научному любка двулистная»

Владимир Солоухин

Река Сурена

Анастасия Разваляева

ИСТОЧНИК

Русалка – в восточно-славянской мифологии нечисть женского пола, длинноволосая девушка, появляющаяся около воды. В ряде поверий русалками становились утопленницы и девушки, погибшие до свадьбы. Если верить сказкам, также особо часто речными духами становились девушки, самостоятельно прыгнувшие в воду, чтобы свести счёты с жизнью.

Мавка – в южно-славянских мифах вредоносная и опасная нечисть, близкая к русалкам. Согласно преданиям русалками становились погибшие некрещённые дети, либо все, кто погибли на Русальей неделе. Также мавками становились дети, проклятые родителями, и девушки-колдуньи.

По одной из версий происхождения топонимы Сурена, Сурень восходят к иранскому языку и в переводе означают – «Радостная (река)».

Здесь ширь лесов
И медь полей:
Гречиха, рожь, овёс, пшеница.
И шепчут ветры песни дней,
Взлетая ввысь, свободным птицам.
Широки реки, и одна
Так полноводна и быстра.
Покрыта изумрудной ряской,
Но ил и глина тянут вязко
Немудрых путников ко дну.
Известно, что хитра река —
Решивших приручить волну,
Заплывших за черту буйка
Она уносит в глубину.

Здесь, говорят, река – хозяйка.
Огонь – отец, а мать – земля.
И буйный ветер – милый братец,
И птица вольная – сестра.
Товарищ мой – тамбовский волк,
Я выросла в его краю.
Плела на Солнцекрест венки,
Смотря на полную Луну.
И вдруг. Рассвет? Иль это пламя?
Но нет, огнём горит цветок.
Но не сошла ль это с ума я?
Не путает ли хитрый чёрт?
И разве может папоротник цвести
В полночной тьме, сияя солнцем,
Пуская яркие лучи?
И слышу вдруг, как лес смеётся.

Душа тотчас сбежала в пятки.

Я здесь одна, здесь нет людей.
Но кто со мной играет в прятки?
Быть может, леший? Страшный зверь?
Сомнений нет и быть не может,
От злобных духов бы спастись.
Я рву цветок, но, словно ножик,
Мне ранит руку острый лист.
Роняя тапки, капли крови,
Бегу, прижав трофей к груди.
Шумит листва, вздыхают совы.
И нет обратного пути.



Известно с детства, в ночь Купала
Все ищут огненный цветок.
Но из нашедших, знаю, мало
Кто избежать несчастья смог.
Как говорили старцы, нечисть
Хранит у папоротника цвет,
Ведь он таит большую ценность.
И был с рожденья дан завет:
«Дарует мудрость он и силу,
Поможет приручить стихию,
Вскрывать замки и видеть клады
Сквозь землю без любой преграды.
Научит языку зверей,
И слышать голос трав, камней.
И власть над духами дарует —
Нашедший цвет их околдует.
Но то для нечисти досадно,
И, чтобы было неповадно,
Они охотятся за смертным.
Пугают бедолагу смехом,
Окликнут голосом знакомым,
Пока он не дойдёт до дома.
Но обернувшийся назад
С чертями попадает в ад».

В полночной чаще леса тьме
Не видно ни тропы, ни зги.
И лишь цветок в моей руке
Взметает искры-светлячки.
Как бьётся птичкой быстро сердце!
Но неустойчивы шаги
И бам! Лечу уже с обрыва
Крутого берега реки.
И, как Офелия в веночке,
С цветком в руке в реке тону.

Я стану мавкой иль русалкой,
Как говорили в старину?
Хрипящий вздох. Последний выдох.
Глухая боль в моей груди.
Досадно умирать в обидах
И жизнь не видевшей почти.



В последний вечер шли гулянья,
Друзья-подружки жгли костры.
И мой пригожий руку занял
В прыжках сквозь огонь, моей сестры.
Кольнула острая обида.
Меж ними вспыхнула искра.
Я на неё была сердита,
Ну правда, как она могла?
Ах, с глаз долой! Испорчен вечер.
Рыдая, скрылась в тёмный лес.
В плакун-траве трещит кузнечик,
И звёзды падают с небес.



Теперь тону под ор лягушек.
— Кукушка, сколько жить? Дитя. —
Живи так долго, сколько нужно, —
Смеётся кто-то, шелестя.
И тут река, словно живая,
Меня волнами обнимая,
Вдруг потащила снизу вверх
На сушу. Вновь я слышу смех.
— Ну что ж ты так, моя подруга?
Ты знаешь, надо осторожней
В ночном лесу. Ты с перепуга
Ругалась, как старик-сапожник.
— Ты кто? — вдруг обрела я смелость,
Спасителю отдав поклон.
— Народ твой кличет меня «нечисть»,
Но много у меня имён.
Меня зовут русалкой, мавкой,
И кровожадной девой манкой,
И даже говорят, я — демон.
Но ты зови меня Суреной.

Давно я не вела беседы
С живым народом. Вот тоска!
Не знают духов языка,
А знают — так с рассудком беды.
Смотрю, бредёшь в лесу уныло,

Венок плетёшь, в глазах слеза.
Подумала я, славно б было
С тобой дружить, моя краса.
Ты знаешь, я была девицей
Как будто сотни лет назад.
Я так любила веселиться,
Шутить, разыгрывать ребят.
«Сурена» имя значит – «радость»,
Я хохотушка и наглец.
И не желала эту странность
В себе прикончить под конец.



Жила с бабулей старой ведьмой, —
Сушила травы и цветы,
Ловила звёзды тонкой сетью,
Хранила ящериц хвосты.
Была я хитрой и строптивой,
И не боялась передраг.
Но слух дошёл, что я красива,
До деревенских бедолаг.
Ты знаешь, бабушку любила,
Но ты пойми, была юна.
И я мечтала, как все люди,
Сидеть у общего костра!

И вот пришли Купальной ночью
Ко мне, в мой лес, весёлый люд.
И я решила, с ними точно
Пойду я, коли позовут.
И я ушла. И было счастье!
Плясала я, венки плела.
Кружилась я, а моё платье
Пылало алым в цвет огня.
Ужель останусь я с народом?
Ужель появятся друзья?
Но не хотела я с уходом
Забыть, как воля дорога.
Дивились люди моим нравом
И сделали поспешный вывод:
«Согласна будет жить, как надо, —
Умна, смешлива, терпелива».

Не разрешили мне сначала
В ночи гадать по ярким звёздам.
Глупа была, не отказала.
Но вскоре стало всё серьёзней.
Мне запретили петь частушки,
Ходить с распущенной косой,

В болоте плавать, как лягушка.
Хотели, чтоб была другой.
Мой вольный дух! Бегу обратно
В объятия леса. Не судьба.
Я счастлива, как чародейка:
Заклятья, духи, ворожба.
Мой милый дом! Моё болото!
Мой милый старый чёрный кот!
Ах, не отнять моей свободы,
Никто её не заберёт.



Я сплю. В ночи вдруг запах гари.
И крик бабули у двери.
Из окон голос: «Здесь зажарим!
Не хочешь? Быстро выходи!»
Прыжок к бабуле. «Побежали!»,
Но на рубашке лужа крови.
В груди стрела. В неё попали.
Пылает пламенем мой домик.
В двери стрелок, а я в окно
И в леса глубь знакомой тропкой.
Но там засада ждёт давно.
Я им нужна живой иль мёртвой?
Бегу к реке. Не буду с ними.
Живой не сдамся, страха нет.
Но и они неутомимы.
Погоня движется мне вслед.
Прыжок с обрыва. Я в воде.
На каждом берегу враги.
Спасенья нет теперь нигде.
Слова в отчаянье мои:
«От вас я птицей улетаю,
От вас я обращаюсь в воду.
Лежать на дне, я точно знаю
Приятней, чем терять свободу».

Я обратилась вольной птицей,
Взлетела ветром, стала ивой
В реке смогла я раствориться,
Ну а потом всем отомстила.

Она закончила рассказ.
Вздыхнула: «Уходи из леса.
Живым в полночный этот час
Здесь без причины быть нет места».



Рассвет, вдали кричит петух.

Я в мокром, грязном сарафане.
Со мной общался древний дух
Иль потеряла я сознание?
Я дома покажу всем цвет,
Который так в ночи светил.
Ищу в кармане. Его нет.
А может, никогда не был?

Летают птицы, лес, дубрава,
И буйный ветер в волосах.
В лесной глуши Река Сурена.
В честь той, что умерла в слезах.

Йома

Ольга Шпортько

Вдоль по дороге. Не сворачивать.

Стемнело неожиданно рано. Пока Люба прокручивала в голове все события последних дней, по дороге расплескался мягкий сизый туман.

До леса. Потом отворот дороги, за которым невдалеке мост через речку-переплюйку. И всё, в деревне. Или мост до поворота? Маршрут, в городе помнившийся досконально, за рулём превратился в головоломку: собери цепочку и выбрось лишние детали. Лес, поле, лес, два поворота на всю дорогу. Сорок километров от города.

Любе казалось, что она едет правильно. Казалось, или правильно? Навигатор ловил с перебоями, размашисто гоняя стрелочку по карте, в сторону новых координат. Стрелка отлетала на обочину, где крутилась среди зелени.

Лес превратился в непроглядную чёрную стену вдоль дороги. Жутко. Сейчас Люба из машины не вышла бы. Провозилась со сборами – теперь расхлёбывай. Хоть бы бабушка не уснула. А то придётся ночевать в машине. Сон у бабушки сохранился крепкий, а вот слух начал сдавать. Ломиться в дверь можно будет до хрипоты или до озлившихся соседей.

Мост! Мягко поднялись колёса по деревянному хребту. Мост в ответ возмущённо закричал. Люба даже не заметила, мысленно она уже была в деревне.

Череда деревянных заборов с заплатками сайдинга надёжно спрятала нужные ворота. Люба развернулась, на третью попытку пытаясь опознать в свете фар нужный участок. Телефон отзывался резкими гудками – связь отказала ещё на подъезде к деревне.

Люба совершенно не помнила детские просторы. Дом оказался не с той стороны. Пока она вглядывалась в правый ряд, с левой стороны вынырнула фигура. Сердце испуганно ёкнуло, но фары осветили вполне человеческое лицо.

Недовольно щурясь на гостью из-под вскинутой вверх ладони, старушка задумчиво высматривала водителя. Люба, выйдя из машины, смущённо шагнула вперед, пытаясь опознать скрытое тенью лицо:

– Бабусь, ты?

– Надя? – Лицо озарилось узнаванием. – То есть Аля, тьфу, Люба! – Последнее «Люба» она произнесла громко и раздражённо то ли на память, то ли на внучку, которая могла бы и на первое имя откликнуться.

Вот теперь никаких сомнений: если бабушка, обращаясь к тебе, не перечисляет всех потомков по старшинству, значит, бабушку подменили.

Далее шли объятия, и разговор, из которого Люба поняла, что бабушка её в гости никак не ждала. Она вышла на свет фар проверить, кто носится по улице. Стало неловко обеим. Люба объяснялась, таская сумки из машины, бабушка объяснялась, пытаясь одновременно и гостью устроить, и ужин наколдовать. В результате рваных этих объяснений, когда одна женщина ныряет в багажник, а вторая в буфет, и обе при этом громко выдают экспозицию куда-то в совершенно обратную от собеседницы сторону, выяснилось следующее. Старшая сестра Любы, Аля, клятвенно обязалась предупредить бабушку о госте, но, видимо, хрупкая память оказалась семейной чертой. Или родня не пробилась сквозь падающую связь. Или бабушка успела забыть о разговоре. Эту мысль Люба старательно отгоняла. Хотелось сохранить надежду, что с возрастом девичья память сменится нормальной.

Бабушка в своей деревне потихоньку превратилась в этакую классическую фольклорную старушку: хоть доставай фотоаппарат и снимай трогательный сюжет о глубинке. Китай-

ский спортивный костюм сменили юбки, в два слоя. Рубаха и фартук завершали образ. Только косынки не хватает – длинные волосы разметались по плечам.

Бабушка собирала стол, Люба устало поддакивала в ответ на её вопросы. С родителями, всё хорошо, конечно, погода, отпуск, ага, обещали низкое давление. Люба, сама того не заметив, дважды размеренно согласилась с вопросом «картошку или кашу?», вызвав неодобрительное кхеканье у бабушки. «Жених? Да какой там жених, был да всплыл, конечно, бабушка, найдём получше». Всплыл. Всплывает мёртвая рыба, а этот живее всех живых. И любовь живее. Пишет, плачет, поёт песни в голосовых. Когда не занят, а занят часто.

Из размеренной полудрёмы Любу вывел звон. Бабушка смотрела на пол, где прыгали осколки в масле. На секунду девушке показалась, что родственница решила так привлечь внимание рассеянной гостьи. На безэмоциональном лице решительно блеснули серые глаза.

– От же ж! Как живая из рук выпрыгнула, Любаш, веришь? Придётся твоими гостинцами сегодня питаться, у меня больше и не осталось ничего толком.

Показалось. Просто сонливость в маленькой кухне растеклась тем же туманом, что и по улице, вот и случилась авария локального масштаба.

Люба неловко вскочила, помогая в уборке, посадила бабушку и начала сооружать бутерброды. Бабушка от позднего ужина отказалась, сидела с полным стаканом сока. Люба, чувствуя вину за нарушение режима, управилась с едой в рекордные несколько минут.

Утро встретило тусклым белым светом, словно жалея красок на такого никчёмного человечка. В голове отражался свет вчерашних фар, эхо домашних разговоров, поезд медленно качался из Москвы в Сыктывкар, чтобы...

– Чтобы хорошо поесть, надо рано встать и хорошо поработать! Подъём, завтрак на столе, работа в огороде.

Люба сонно попыталась объяснить, что приехала, конечно, помочь, но и отдохнуть тоже хотелось бы. Бабушка уверенно заявила, что лучший отдых от работы за экраном – это посмотреть на живую зелень, её как раз в морковке развелась тьма. И посмотреть, и выдергать, да поживее, пока солнце не запалило.

Сухие руки с неожиданной силой подхватили Любу, и она как-то вдруг оказалась в огороде, жуя вишнёвый рулет и внимая ценным указаниям, какие грядки обработать. Все наставления можно было гораздо более ёмко сформулировать как «полоть отсюда и до обеда».

Хотелось вам, Любовь Александровна, душу полечить на природе? Получите и распишитесь. Трудотерапия – идеал советской медицины. Радуйтесь, что колхоз развалился, а то корову бы доить отправили.

– Тю! К корове я тебя и близко не подпущу, а вот калитку мне поправишь. Ты у нас девкой рукастой была. Что ты на меня так смотришь? Ты погромче жалься, а то соседи плохо слышат, как ты страдаешь.

Оставалось только прикусить язык и склониться к грядке.

Монотонная душная работа – это зло. Пока Люба блуждала в собственных мыслях, морковь пала в неравной борьбе с невнимательностью. Бабушке только и оставалось, что всплеснуть руками да погнать помощницу в дом – мыть посуду.

Намывая тарелки слезами пополам с мылом, Любовь Александровна пришла к выводу, что трудотерапия – для сильных духом, а ей нужно солнце и ласка. Бабушка лишь тяжело вздохнула.

А за обедом, состоящим из любиных гостинцев, – «А как же свежее с огорода? – С огорода у меня каждый день, а твоя отравка магазинная долго не простоит», – бабушка вынесла вердикт.

– Тебе сейчас толком ничего не поручить, начинаешь думать, да не туда. Я тебя отправлю и головой, и руками работать. Чтоб дурь в голову не лезла.

– А может, мне просто отдохнуть тихонечко?

Тихонечко отдохнуть было нельзя, потому что на мельнице ушёл в запой работник, а без пригляда она встанет – неужели внучка не поможет бабушкиной подруге?

– А почему нет, зря ты, что ли, в своём ПТУ училась?

– Колледже, бабусь, колледже! Почти десять лет назад! Я последние пять лет в другой сфере работаю.

– Ничего страшного, за последние пять лет оборудование точно не поменялось! – махнула рукой бабушка и тихо добавила в сторону: – А то и за все пятьдесят.

Люба категорически отказалась, объяснила, что не может взять на себя ответственность за чужое имущество, что приехала отдохнуть и навестить бабулю, а не впахивать за километры от дома. Заканчивала свою тираду Люба уже за воротами и с рюкзаком в руках – бабушка была неумолима. Пришлось сдаться и пообещать заглянуть на мельницу. В ответ одобрительно хлопнула калитка.

«Ыбвоссский» мукомольный завод забурился в лес. Сильно за деревней, через поле и по тропинке. Это смущало. Во-первых, логистика должна хромать. Во-вторых, это просто было странно и нелогично. С маленького поля завод прокормиться точно бы не смог, а привоз сюда казался бессмысленным.

По дорожке между деревьев, ориентируясь на силуэт башни впереди. Люба отчаянно боялась и одновременно надеялась заблудиться, так как лучшего повода повернуть назад было не найти. Но мельница уверенно росла впереди.

Бетонные стены и башня для хранения потемнели от времени. Старая облупившаяся дверь, покрашенная в гостеприимный серый цвет. Люба робко потянула её на себя. Тамбур, за ним пустой коридор. Скучные оштукатуренные стены. Пусто и гулко. Ни звука, ни человека. Даже охранника и проходной нет. Люба, чувствуя, как тянет в животе от волнения, всё больше осознавала глупость своего положения. Навалилась дикая усталость. Люба замерла, безнадежно глядя вперёд. Глупо это всё. Глупо и вовсе стыдно приходить сюда. Чем она может помочь? Никто её сюда не звал. Бабушка выдумала невесть что, а внучка пошла на поводу у чужого маразма. Люба повернулась обратно к двери.

– А кто это у нас шастает? – раздалось из-за спины.

Огромная фигура стояла, оперев руки в боки так, что касалась локтями стен. Как и когда она успела там возникнуть? Люба съёжилась, пролепетав, что ошиблась, просит прощения и ей пора. Фигура требовательно протянула руку и приказала дойти до кабинета – разобраться, кто ошибся и за что прощать.

– Говоришь, Любовь тебя зовут? Любовь к нам пожаловала, ишь ты! Как заживём сейчас! – Хозяйка кабинета ослепительно улыбнулась золотыми зубами.

Женщиной она была во всех смыслах впечатляющей. Во-первых, фигура её была поистине необъятной ширины: она не то что бы стремилась к идеальной форме шара, она успешно шар проскочила, причём давно. Восседала женщина в кресле, которое вполне могло претендовать на звание дивана. Хорошего такого дивана, пару-тройку гостей на него положить с комфортом можно. Люба у родителей ночевала на вдвое меньшем.

Половину лица хозяйки составлял клюв – предмет острой зависти любого грифа. Под носом сверкали зубы, над носом тускло блестели тёмные очки. Под стеклом шевелились вместо глаз чёрные волосатые гусеницы.

Ресницы, сообразила Люба через несколько ударов сердца, густые и объёмные. Мода такая, или мастер по ресничкам чудит. Мастер ресничек немножко маньяк. Случается. Случа-

ется, сплошь и рядом. Люба незаметно тихо выдохнула. Избавиться от образа волосатых глаз не удалось, но девушка старалась смотреть куда угодно, кроме очков потенциальной нанимательницы. Вот на зубы, например. Прекрасные коронки, если подумать. Такими можно сразу зёрна в пыль молоть. И без мельницы, и без ступки. Скрипнуть зубами – и всё.

Мда-а-а. Удружила бабушка с подружкой. Боже, как же её зовут? От тусклой апатичной поволоки, которая накрывала Любу последнее время, не осталось и следа. Нагнанная хозяйкой завода жуть заполнила по макушку.

– А меня Йома звать.

– А п—по отч—ву? – выдавила из себя Люба.

– А по отцу я... – Тут Йома осеклась и недобро зыркнула своими гусеницами – ох, не смотреть. – А зови-ка ты меня лучше Эммой Евгеньевной, чтоб имя не перевернуть.

– Хршо, Эмма Евгеньевна, понимаете, п—прзшло н—недопонмние, дело в том, что...

Люба начала говорить всё тише и тише и, стараясь не смотреть на хозяйку, попыталась объяснить. Словно загипнотизированная, девушка выложила и про бабушкину затею (пусть сама со своей подругой разбирается!), и помощь на мельнице, и про образование, и про деревню, запнувшись на обещанной трудотерапии.

Люба вздохнула. Сейчас Эмма Евгеньевна отметёт горе-помощницу, и на волю!

– А поработать у меня хочешь эту недельку? Это дело хорошее. Работа у меня для тебя как раз есть.

– Да к—какая работа? – сипло спросила потенциальная сотрудница, мысленно уже сбежавшая из кабинета.

– Как какая? Волков стричь, медведей доить.

Люба затравленно вытаращилась на явно сумасшедшую женщину. С чего она вообще взяла, что это хозяйка? С тем же успехом Люба могла представиться ей охранником или почтальоном.

– Шучу. – Йома расхохоталась гулким смехом. – Шучу, не бойся, последи за работой шнеков, пока Васька, сволочь, из запоя не выйдет. Ты не думай, я заплачу. Пойдём, покажу тебе свою вотчину, пойдём.

Словно в тумане, Любовь познакомилась с мельницей, приняла «наше хозяйство» и обследовала кладовку с инструментами, где ей предложено было разобраться самой.

– Оборудование у нас новенькое, крепкое, но пригляд нужен.

Новеньким оборудование было разве что сразу после Великоотечественной, но состояние действительно было почти идеальным. «Похожу неделю как в музей», – подумала Люба. «Полюбуюсь и сбегу. Если местный Вася впадает в запой регулярно, значит, и без него всё работает». Отказать Эмме Евгеньевне она не смогла. Слова застряли в голове протестующим клёкотом, и теперь Люба тихо злилась на себя за слабование.

После экскурсии Йома повела работницу на ужин – «заглянуть в буфет, попробовать, каков продукт».

Местная столовая-пекарня была просторной и светлой. Люба ощутила себя в ней маленькой мышкой, которая пришла погрызть хозяйские хлеба. Эмма Евгеньевна плыла впереди.

– Йома-ны! Ты куда ушла, выйди к нам, накорми! Дочь моя, кухарит тут, – бросила она через плечо.

Люба ела свежеиспечённый хлеб с мёдом, запивала молоком и думала, что жизнь не так уж и плоха. Странно, но с приезда в деревню она впервые ела горячую еду. Что—то в этом факте царапнуло Любу, но обдумать мысль она не успела. Йома, по-хозяйски раскинувшаяся сразу на трёх лавках, начала расспрашивать работницу про жизнь.

Люба, оловелела рассматривая стол, постепенно разговорилась. В кружку из-под молока потекла нехитрая история. Про рассыпавшуюся после учёбы дружескую компанию, про квартиру, удачную только ценой аренды, про работу, которая, хоть и не лучшая, но терпимая, про любовь, которая была последней отдушиной в жизни, которая хоть и не была плоха, но и счастливой её язык не поворачивался назвать. А потом всё. Любовь уехала в страну более комфортную, к перспективной работе в иной валюте. «Прихожу домой, а там чемоданы собраны».

– Просто такой шанс, вы понимаете? Контракт удачный очень. А у меня визы нет, тут вся родня, да и денег на переезд нет, и с языками не очень. Мы поговорили, и вышло так, что мне лучше в Москве остаться, а ему нужно выше. И мы не расстались, у нас отношения на расстоянии, просто они, кажется, это расстояние не выдерживают. Я бы поставила точку на самом деле, я понимаю, как это всё звучит, но... Но он обещал, если там не устроится или если контракт или визу не продлят, он вернётся ко мне, и мы распишемся. Но возвращаться он, думаю, не хочет. Но если вдруг идеальная заграница окажется пшиком, то, может, это судьба? У нас любовь, просто так сложилось, что...

Люба осталась в опустевшей квартире одна и вскоре взвыла от тоски. Вытребовала на работе отпуск без содержания и махнула на малую родину: повидать родню, освежить мозги, встряхнуть душу, словно старый палас, и вернуть домой как новую.

– Это, милая моя, дурь! Дурь, да, пополам с любовью. А у него дури нет, да и любви тоже. Была бы любовь – с собой бы позвал, а ты бы полетела, я вижу. А была бы дурь, он бы соломку бы не подстелил. А так удобно! И тут ждут, и там. Хорошо! А возвращаться он не станет, поверь, вцепится зубами в свой счастливый билет.

– Вы! Вы не понимаете, у него... у нас... мы...

Люба не нашла слов на защиту, затихла и начала закипать. Злость подпитывалась чувством правоты собеседницы. Девушка решительно встала.

– Мне пора, Эмма Евгеньевна, поздно уже.

Позже, раздражённо вбивая подошвы в землю, Люба костерила начальницу за то, что лезет куда не просят, и себя – за откровенность. Небрежные слова прокатились от ушей отравой. Яд разбежался от сердца к рукам. Сердце заныло, а руки замёрзли. И Люба даже не могла сжать их в кулаки. По лицу снова покатались слёзы.

И ведь ничего нового ей не сказали, Люба прекрасно всё понимала сама. Но тяжёлые слова Йомы разбили последнюю надежду на счастье, только осколки полетели.

Осколки... Кай собирал из осколков вечность, а Любовь – сказку. Но сказку собрать невозможно. Нет нужных деталей, а потратить вечность на их поиск легко.

Вечером Люба пообещала себе, что завтра останется дома. Утром она снова была на мельнице.

Поразительной была сосредоточенность немногочисленных работников на своих задачах. Люба почти не слышала живой речи. Впрочем, и она сама не рвалась общаться. Свой день посвятила изучению старых конструкций и уборке кладовки с инструментами. «У кого вокруг порядок, у того и в голове чистота», – сказала бабушка утром, натирая посуду. Люба согласилась.

Не смогла отказаться от работы – делай её тщательно. Идеальное оборудование требовало местами чистку, местами смазку, местами переборки. Руки работали, голова скрипела, тоска по несбывшемуся вытеснялась насущными делами.

Йома-нны сидела, подперев кулаком щеку, и смотрела, как новая работница угощается пирогом. Пальцы её левой руки скользили по алой вышивке фартука.

– Все думают, что матушка прядёт. А это не так. Умеет, конечно, но так, для себя.

Люба удивлённо вскинула брови. У неё до этих слов и мысли не закрадывалось представить Йому с прялкой.

– На самом деле это чистой воды путаница. Символизм. Умение ткать – это в первую очередь умение выткать свою жизнь. Понимаешь? Ты вот умеешь ткать?

– Нет, – пожала плечами Люба.

Она понимала, что деревня накладывает свой отпечаток на быт. Но ткать? Зачем? Всегда можно взять из шкафа родительские запасы или купить готовую ткань на все случаи жизни.

– Оно и видно. А зря. Учись.

День. Два. Три.

Люба познакомилась с парой молчаливых рабочих; теперь при встрече они обменивались кивками. Девушке было спокойно от того, что в вечный гул мельницы не вмешиваются докучливые вопросы и лишние слова.

На четвёртый день Люба заработалась допоздна и поняла, что ни разу не видела, как уходят-приходят другие работники. Смущённая, она поднялась в кабинет.

– Работники? – небрежно спросила Йома. – Так сожрала я их, Любушка. – И оскалилась характерно так, сыто. – За тунеядство.

Люба уставилась на золотые зубы, впервые заметив, что клыки у Эммы Евгеньевны, мягко говоря, крупноваты.

– Шучу, шучу, ишь как побелела. – Телеса начальницы закачались от хохота. – Это сейчас, милая моя, называется «фэтшеймингом». Вот если бы я похудела до того, что от меня только глаза и остались, ты бы хоть на секунду в шутку мою поверила? Нет. Но ты, как модно сейчас говорить, в плену у стереотипов.

– Ну что вы, разумеется, нет. У вас вполне гармоничная фигура, – совершенно искренне запротестовала работница.

Если бы от Йомы остались только глаза, Люба сбежала бы с мельницы на первой космической. А так всегда есть на что перенести взгляд.

– А работников часть тут ночует в пристройке. А часть через главный вход ездит. Это ты у нас с запасного скребёшься каждый раз. – И махнула рукой в окно, указывая на крыльцо.

Люба, спустившись на первый этаж, обнаружила стол охраны (все—таки она есть!), правда, без самого охранника (видимо, воры и рецидивисты так далеко в лес заходили). Через стекло дверей белый свет ловил искры пылинок в воздухе. На штукатуренных стенах виднелись и светлые следы от плакатов.

Позже Люба не могла понять, как при первом и втором обходе сумела проворонить немалую проходную. Но решила, что была слишком впечатлена внешностью хозяйки и не сумела уделить достаточно внимания окружению.

Мельница прочно вросла в землю, так, что корни её сплелись с древесными. Со временем мельнице стало мало, и она ввинтилась в землю по самый цоколь, прикрыв его травой. Круглая башня стояла маленькой, но прочной горой – не страшны ветра, не страшны шаги великана, от которых закачается земля, не страшен и сам великан, ему не хватит сил раскатать эту башню.

Башня была Любиным маяком. Каждый день работы обращался для неё горстью цемента. Замешанный на молоке, что разливалось в воздухе каждый вечер, когда Люба возвращалась в дом, он лился на место разрушенных душевных опор. Под бабушкины ночные сказки он застывал. И новое утро Люба встречала всё более уверенным шагом.

Днём должен был приехать Гундыр – муж хозяйки.

– Погрузчик снова сломался – попросили отца перетащить часть мешков, – объяснила Йома-нны за завтраком.

Люба между делами рассуждала, насколько встанет сегодня завод. Бедный Гундыр, подозревала она, толку от дядьки особо не будет. Ну сколько он перетащить мешков сможет? Не смешите.

Муж Йомы представлялся ей этаким пленником великанши, который сумел убедить людоедшу, что мужем будет полезнее, чем ужином. Но в память о прошлом (или в надежде), жена продолжает откармливать тощего и втихаря пьющего супруга.

На деле же Гундыр оказался самой настоящей горой. Здоровенный, через дверь он протиснулся полубоком. Плечи оказались шире проёма. Лысая голова не снесла косяк только благодаря сутулости.

Если брови Эммы Евгеньевны можно было заплетать в косички, у Гундыра бровей не было вовсе; на плоском лице выделялась только внушительная картофелина носа да чёрные глаза. Люба невольно вжалась в стену.

– Здравствуйте!

Гундыр величественно кивнул, проходя мимо. Да, такой мешки действительно перекидает не напрягаясь. С лестницы уже бодро катилась навстречу начальница. Резкий голос её приобрёл воркующие интонации и несвойственную весёлость.

Несколько часов спустя Люба замерла перед дверью, собираясь постучать в дверь к Эмме Евгеньевне. Сегодня был последний день обещанной работы.

Из-за двери доносилось зычное:

– Распустили косы все. Не могу. Совсем не понимают. Как в окружении покойниц у себя дома.

– А когда же к тебе идти, как не в смерть. – Гундар засмеялся, и стены загудели от оглушительного рыка.

– В смерть – это не ко мне, в смерть – это дальше в лес и через реку. Я тут про жизнь всё же. Рожь и прочее...

– Ну-ну. До смерти, после – какая разница, если ты на грани стоишь.

– Ой, что ты понимаешь в жизни-нежизни, – запротестовала Йома и громче, так, что басовитый рык пролетел по коридору, рявкнула: – А ты заходи, заходи, нечего уши греть.

И как у неё получается? Может, правда на запах? Бабушка, зачем тебе такой большой нос? Чтобы за дверью тебя учуять, внученька.

Смущённая, пойманная на подслушивании, Люба дёрнула ручку. Да, сюда работать только под страхом смерти и идти. Работала-то она с убранными волосами, но каждый раз оказывалась перед Эммой Евгеньевной уже до или после процесса. К себе-то домой она может идти в любом виде.

– Благодарю тебя за помощь, Любовь, вот тебе за службу. – Йома протянула объёмный белый конверт. – Возражений не принимаю. А теперь тебе пора домой, уже поздно. Гундыр подвезёт до деревни, чтоб ноги по темноте не переломала. И бабушке привет передавай. – С последними словами она хмыкнула, приобняла Любу и легко развернула её к двери.

Гундыр повёл их через главный выход, буркнув, что сделает небольшую петлю через дорогу, чтоб подвеску на поле не оставить.

Оказавшись в огромном, под стать хозяину, внедорожнике, Люба постеснялась лезть в конверт. Цену своей работы она не обговорила: ей казалось, что бабушка отправляла её на помощь и вовсе безвозмездную. Теперь только наощупь гадать, что тут спрятано.

Тучи, застилавшие небо с приезда, наконец рассеялись и открыли было небо глубокой синей краски. Звёзды подмигивали сверху. Эх, в Москве такого неба не увидишь. Хоть бы завтра тоже чистое было, можно будет наконец на речку сходить.

Дорога вынырнула из леса, и несколько километров спустя остановилась на развилке. Хорошенький они крюк дали.

– Приехали, красавица. Тебе тут прямо пять минут.

Люба и сама видела дома впереди. Деревня сбросила сонливость и расцвела огоньками. Что-то было непривычным. Фонари починили – осенило Любу. Неужели.

– А с машиной не переживай, по документам всё верно будет. Как есть, – бросил перед отъездом Гундыр.

Ничего не понятно, но очень интересно.

Дом, не иначе как для разнообразия, оказался слева. Люба застыла, не в силах справиться с мороком. Вчера, позавчера и неделю назад дом точно был справа. В памяти всплыло, что в детстве он вроде бы был слева.

Перед воротами стояла припаркованная машина. Отличалась она от Любиной пузотёрки как последний айфон от старой «Нокии». Люба выдохнула. Всё ясно, она свернула на другую улицу и зависла у похожей пары дом-забор. Вот же! В десятке одинаковых панелек, Любовь Александровна, вы ни разу не потерялись. А избушки перепутали. Хотя наверняка по мнению хозяев это совершенно разные дома, которые и спяну не перепутать.

Калитка открылась, и Люба остолбенела.

– Любаш! Ну наконец-то, я тебя заждаюсь. Аля сказала, до одиннадцати будешь, а ты...

Бабушка была такой, какой помнила её Люба. В спортивном костюме, с короткой стрижкой, она легко увлекла поражённую внучку в дом. Бабушка была ровно такой, какой Люба и ожидала её увидеть, и была совершенно отлична от той, что отправила Любу к Йоме и ждала её дома.

Люба сидела на кухне за столом и думала, бежать ей от двойника или звонить в психиатрическую скорую. А кто тогда двойник? Может, она как раз уже сбежала? Телефон звякал уведомлениями – снова появилась связь. На экране блокировки высветилась дата. Согласно ей, Люба выехала из города сегодня днём.

Люба посмотрела на фотографии на стене. Вот она маленькая, Аля и соседская собака, на которой они повисли. Вот бабушка. Вот свадебная фотография родителей. Вот родители с крошечной Алей. Вот степенный чёрно-белый портрет прабабушки: строгое лицо, старомодный наряд и рано поседевшая коса.

Люба, кажется, тоже уедет домой седой. Потому что бабушка со своей матерью были на одно лицо. Прабабушка умерла семь лет назад.

Люба отпросилась выйти за сумкой в машину и снаружи от дома осторожно залезла в конверт.

В конверте лежала пачка купюр, несколько колец с камнями, золотые цепочки и брелок-ключи от машины. Люба нажала на кнопку, и машина за воротами охотно пиликнула в ответ. На заднем сиденье лежал рюкзак и пара сумок с вещами.

ИСТОЧНИК

Йома – ведьма-отшельница в фольклоре Коми. Живёт глубоко в лесу, в отдельных сказках – под водой или в подземелье; в общем, за гранью человеческого мира. Йома слепа – её глаза заросли волосами, но взамен обладает острым обонянием и чутким слухом. Питается людьми, в чём ей помогают железные зубы и когти. Йома огромна телом, и столь широка, что, когда сидит на нескольких стульях, всё равно на них не помещается.

Как и всю финно-угорскую нечисть, Йому можно расположить к себе хорошей работой, а взамен она поможет подарками или услугой.

Исторически представление о Йоме тесно сплелось с мифами о бабе Яге и Полудёнице. Изначально же сущность Йома происходила из темы посева, созревания и уборки злаков, выпечки хлебов. Так, в одной из сказок ведьма живёт на собственной мельнице.

Дочки-матери

Анастасия Касьянова

Лифт снова не работал. Уже третий раз только на этой неделе. Лера попыталась заглянуть в щёлочку между приоткрытых створок, но ничего, кроме темноты, не увидела, только дохнуло на неё спёртым воздухом шахты.

Отвернувшись, Лера хмуро побрела вниз по лестнице, то и дело перехватывая поудобнее норовящую выскользнуть из ладони дужку тяжёлого помойного ведра. Из ведра капало, и на полу через одну ступеньку расплывались маленькие тёмно-серые пятнышки. Тяжёлый мусорный дух разносился по этажам.

На четвёртом опять было накурено так, что хоть топор вешай. В девятой квартире, как всегда, залаяла болонка, но её было едва слышно – так громко орала там смесь Дискотеки Аварии и Вируса.

Наконец Лера вышла из подъезда, жадно втянув свежий вечерний воздух. Деревянная дверь за её спиной закрылась, громко хлопнув о косяк.

Около переполненного мусорного бака сидела желтоглазая кошка с рваным ухом. Свет из окон домов отражался в лужах.

Покончив, наконец, с противным делом, Лера пошла назад, глядя на сумеречное небо сквозь ветви жёлтых берёз. Настроение было под стать погоде: унылое, пасмурное, словом, осеннее. С тяжёлым вздохом Лера пнула подвернувшийся под ноги камешек, и он поскакал-покатился по влажному асфальту.

– Валерка! – раздался мальчишеский оклик. – Эй, Валерка! Ты че, оглохла?

Лера сжала зубы и постаралась помахивать ведром как можно более беззаботно.

– Ну, Лер, – смиренно исправился голос. – Ладно тебе, ну извини, ну иди сюда.

Вот теперь другое дело! Лера развернулась и подошла к старой карусели, где сидело человек шесть пацанов и две девочки.

– Чего вам?

Лёшка, самый старший из всех, темноволосый, но при этом голубоглазый мальчишка, улыбнулся ей.

Сколько синяков они друг другу насажали в драках! Он дёргал её за косы и ставил подножки, она однажды локтем метко выбила ему молочный зуб, но с той поры утекло много времени. Теперь они с Лёшкой были закадычными друзьями.

– Гулять будешь сегодня? – спросил Лёшка.

Лера покачала головой:

– Не... Мать не пустит. Надо с Дюнькой сидеть.

Лёшка закатил глаза, и Лера сконфуженно улыбнулась, дёрнув плечом.

– А мы страшилки рассказываем, – сказала хитро Леська.

Вся ватага ребят знала, что Лера самая большая любительница страшилок.

– Посиди пять минут, никуда не денется твой Дюнька.

– Ну... Ладно.

Поставив вонючее ведро подальше в траву, Лера уселась на карусель, и та качнулась с тихим скрипом. Деревянные сиденья давным-давно кто-то выломал, и от железа тянуло холодом даже сквозь шорты.

– Ну и? Кто первый рассказывать будет? – поинтересовался Тимур, самый младший в их шайке.

Лёшка откашлялся:

– Короче. Слышали байку о золоте с терриконов?

– Не-е-ет... – в едином порыве выдохнула компания, во все глаза уставившись на него.

– Ну, в общем, говорят, что в одном из терриконов спрятано золото скифов. Но в каком именно – об этом никто не знает. Но можно тот террикон отличить от остальных – правда, для этого придётся подняться на него. Помните каменных баб, что возле краеведческого стоят? Так вот, на вершине заветного террикона такие же бабы. В кружок собрались, молчат... Охраняют... Если какой-то человек поднимется в полнолуние на этот террикон, они оживут и набросятся на него! Тут самое главное – до рассвета продержаться, чтоб первые лучи солнца осветили макушку террикона. Тогда бабы снова окаменеют, а перед человеком откроется проход, который ведёт в самые глубины террикона, а потом ещё ниже, под землю! И вот там, в пещере, в километрах под землёй лежит древнее золото скифов.

Все немного посидели в тишине, воображая себе несметные богатства, скрытые где-то внизу: тусклый блеск старых кольчуг, крепкие щиты, зазубренные мечи, покрытые засохшей кровью давно павших воинов, горы золотых монет и, конечно же, сверкающие изумруды, рубины, бриллианты и много чего ещё.

Лера не сдержала алчного вздоха. Эх, ей бы хоть капельку, хоть кусочек от этих сокровищ... Всего горсточку монет и, так уж и быть, пару-тройку драгоценных камней. Было когда-то у Леры своё собственное, взаправдашнее золото: серьги с голубыми блестящими камешками и два кольца, что достались в наследство от бабушки, – да только мама их давным-давно сдала в ломбард.

– Лёш, а что такое скифов? – тихонько спросил Тимур, Лёшкин младший брат.

Его слова будто стряхнули со всех оцепенение: расставшись с грёзой наяву, мальчишки и девчонки ёрзали, избегая смотреть друг на друга.

– Дома глянешь в большой советской, – буркнул Лёшка.

Тимур обиженно надулся.

Лера хлопнула в ладоши:

– Что дальше рассказывать будем?

– Может, о Добром Шубине? – предложила Леся.

– Да ну, – протянула Маринка, – все это сто раз слышали. Скукота. Ты б ещё чёрную руку вспомнила или гроб на колёсиках.

Все дружно засмеялись.

– Ага, а под пальмой Мерцалова гномик живёт!

Последовал новый взрыв хохота.

– О, а давайте я расскажу! – Давид, мелкий, смуглый пацан, потянул руку вверх, как примерный ученик во время урока, и затараторил:

– Мы когда на Бирюзова жили, там, типа, был канализационный люк один, так про него все пацаны говорят, что из него, типа, в полнолуние слышатся стоны всех людей, типа, кого фашисты бросили в ту шахту, как её, ну эту...

– 4/4-бис, что ли? – недоверчиво уточнила Лера.

Об этой жуткой шахте им часто рассказывали в школе на 9 Мая. Хочешь не хочешь, а запомнишь.

Давид просиял:

– Да, эта самая! Они ж туда, типа, всех людей живьём кидали, в курсах? И детей, ну там, пионеров, типа, всяких, и стариков, и даже младенцев!

– А я чёт не понял, причём тут вообще какой-то канализационный люк к той шахте? – спросил раздражённо Лёшка. – Шахта у чёрта на рогах.

Давид развёл руками:

– Дык они, типа, между собой соединяются!

– Да как так?

– А я знаю? За что купил, за то и продаю.

– Ну да, – ухмыльнулась Лера. – Что называется, не любо – не слушай, а врать не мешай.

Снова все рассмеялись.

– Расскажите про Чёрного шахтера! – попросил кто-то.

– Нет, лучше про призрак старого Юза!

– Ерунда всё это, – заявила решительно Маринка, громко хлопнув себя по ноге. – Ща я вам такое расскажу – штанишки обделае.

– Если опять о гигантских крысах-мутантах из недостроенного метро, то я домой, – мрачно сказал Антон.

– Да не будет никаких крыс. Короче! Жили-были...

– Умерли-похоронили, – хихикнул Тимур, получил от Лёшки заслуженный подзатыльник, ойкнул и затих.

Маринка недовольно шмыгнула вечно заложенным носом и начала сначала:

– Так вот! Жили-были мать и дочка. Они друг друга любили больше жизни. Папа погиб на войне, дедушки с бабушками тоже умерли, от старости. И в целом мире у них больше никого не было. Но однажды девочка сильно заболела. Мама всё делала, чтобы её вылечить, продала всё, что могла продать, почти не ела и не пила, чтобы покупать дочке лекарства, но та всё равно умерла. Врачи не смогли её вылечить. А мама от горя с ума сошла. Сначала она не хотела хоронить свою дочку, кричала, хотела её трупик обмазать воском, чтобы дочка её как живая оставалась рядом.

– Как восковая кукла в музее! – выдохнул Давид.

– Да, как кукла, – зловеще сказала Маринка. – Тогда мать посадили в психушку и стали там колоть лекарствами и бить током, и после этого она вышла оттуда тихая-тихая и смиренная, только ещё больше сумасшедшая. Она начала собирать кукол, самых красивых, разных размеров, и весь свой дом ими обставила. На каждом шагу были куклы, куклы!

– Зачем? – спросила Лера, покрываясь мурашками.

– Она решила, что дух её дочери остался на земле и не хотела, чтобы девочка заскучала. Мать думала, что призрак будет играть с куклами. И иногда по ночам она слышала, как её дочка смеётся, а наутро все куклы были разбросаны. Но однажды маленькой мёртвой девочке надоели все куклы! И тогда... – Выдержав паузу, Марина понизила голос: – Тогда её мама вместо кукол начала собирать детей. На улице она высматривала беспризорников, заманивала их в свой дом конфетами и мультиками, обещала подарить приставку. Дети шли к ней, а она убивала их мясницким ножом! Варила их мясо и съедала, а из костей делала кукол, чтобы её дочка с ними играла. И скоро весь её дом был набит призраками детей. Они вопили и плакали, но не могли упокоиться с миром.

– Жесть... – выдохнула Леська. – А с тёткой что стало?

– Её дом был очень старым, ещё дореволюционным, и однажды в нём загорелась проводка. И весь дом сгорел, пока эта женщина была внутри. Говорят, когда приехали пожарные, они слышали, как она хохочет и поёт «Спи, моя радость, усни» своей дочери. А потом на месте её дома построили многоэтажку. Никто не знает, где та многоэтажка стоит. Может даже, она... этот дом! – Маринка указала пальцем на ближний дом. – Но говорят, что можно вызвать её дух. Для этого нужно взять куклу – любую, хоть старую, хоть новую – и три раза прошептать ей на ухо: «Мама, мамочка, приди, свою детку заведи, кашкой накорми, бражкой напои, спать уложи», покачать её на руках, как малыша, а потом положить под кровать. Ночью придёт дух той женщины и заберёт тебя, а куклу оставит на подушке. Вместо тебя.

На карусели воцарилась тишина. Наконец Лёшка сдавленно откашлялся, кто-то шмыгнул носом.

– Клёвая история, – одобрил Антон. – А я знаю ещё одну! Как-то раз один пацан...

Стукнула распахнувшаяся форточка.

– Ле-е-е-ера-а-а! – раздался следом протяжный женский крик. – До-о-мо-о-ой!

– Блин блинский!

Лера подскочила, как ужаленная, отряхнула шорты и, подхватив ведро, уже на ходу крикнула своим:

– До завтра!

Засидевшись с шайкой, она вообще забыла о времени. Мама её убьёт.

Пулей взлетев на свой этаж, Лера осторожно открыла дверь в квартиру, заглядывая в тёмный, узкий коридор их двушки. Мама схватила её за руку и рывком втащила в квартиру.

– Где тебя черти носят?!

Лера выдернула руку из цепкой хватки, пожала плечом.

– А я виновата, что мусоропровод заварили?

– Ты мне ещё поговори! Мусор выбросить – пять минут дело, а ты где шлялась?

– Я не шлялась, я с ребятами сидела!

– А с Дюнькой кто будет сидеть? – заорала мама, окончательно выйдя из себя. – Он и так целыми днями один, в пустой квартире!

– И плевать! – крикнула Лера во всю мощь лёгких. – Ты его родила – сама и сиди с ним! Он твой сын, а не мой!

Хлоп.

Звук пощёчины не успел затихнуть, а Лера уже ринулась в свою комнату, так грохнув дверью, что в зале звякнул сервиз. Следом послышались приглушённые, но ещё более разъярённые материны вопли:

– Дрянь такая! Она ещё дверью хлопает! У себя дома хлопать будешь, а тут ничего твоего нету, поняла?! Гадина! Кого я вырастила? Змею подколотную! Помощи никакой!

Лера уже ничего не слышала. Рухнув на тахту, она уткнулась лицом в прохладную подушку и разревелась.

К ней тут же подполз Дюнька, заныл, замычал, тыкая в плечо. Лера оттолкнула его:

– Отвали.

Но брат не отставал. Потоптавшись рядом, он принялся дёргать её за волосы, мыча ещё настойчивее.

– Да отцепись ты! – гаркнула Лера, поднимая от подушки заплаканное лицо.

– У-у-у-у...

Дюнька шлёпнулся на задницу и широко улыбнулся, довольный тем, что на него обратили внимание.

Лера шмыгнула носом. В эту минуту брат бесил её как никогда. Прищурившись, она разглядывала Дюньку, его слюнявый рот, курносый нос, щёки, покрытые веснушками, его светлые волосы, белёсые брови и ресницы, его голубые глаза – всегда широко раскрытые, будто удивлённые. Вообще-то глаза можно было даже назвать красивыми, если бы не взгляд: бессмысленный, рассеянный, как у младенца.

Дюнька и был младенцем. Только очень большим. Ему было десять лет, всего на два года меньше, чем Лере, но почему-то он, в отличие от сестры, не вырос, так и оставшись неразумным малышом.

– Вот бы тебя ведьма забрала, дурака.

В ответ брат заулыбался ещё шире, теребя висящий на груди слюнявчик.

Лера отчаянно завидовала Лёшке, у которого тоже был младший брат, но нормальный, хоть и доставучий. Пусть Лёшка и ругал Тимура, пусть постоянно жаловался, что брат везде за ним ходит, но любил его и никому не давал в обиду.

А Лера своего брата не любила. Его не за что было любить.

Из-за Дюньки в семье никогда не было денег: всё уходило на него. Он часто болел бронхитами и пневмониями, ангинами, простудой. У него была аллергия на молоко, на апельсины и мандарины, на ягоды и орехи, мёд, и мама никогда не покупала то, что ему было нельзя.

Если Дюнечке нельзя – значит, никому нельзя. А Лера любила молоко. Любила – и не пила. А ещё брат писался.

Из-за Дюньки их бросил папа.

Лера стиснула зубы и вытерла глаза.

Лучше бы он вообще на свет не появлялся.

У Леры не было фломастеров, как у одноклассников – только дешёвые цветные карандаши, двенадцать штук. Они постоянно ломались и с трудом затачивались. Лера никогда не бывала на экскурсиях с классом, потому что на них надо было сдавать деньги, а у мамы не было денег. Поэтому Лера не посещала планетарий, кукольный театр и ботанический сад. А все остальные там были. Все, кроме неё! Лера никогда не звала в гости друзей, потому что их с мамой квартира провоняла мочой. Мама не купила ей тамагочи даже на день рождения, потому что Дюнечке надо было колоть какие-то витамины. А она ведь так просила! Вместо тамагочи мама подарила ей куклу из ларька. И сейчас эта пахнущая пластиком лупоглазка в кудряшках пялилась на Леру со шкафа.

Дюнечка, Дюнечка! Всегда только Дюнечка!

– А как же Лерочка? – шепнула она.

Снова предательски защипало в глазах.

Она даже не помнила, когда мама в последний раз её обнимала. Раньше, когда папа ещё был с ними, она называла её зайкой, рыбкой, своей девочкой. Но чаще всего мама называла её просто доченькой. Говорила: «Лерой и даже Лерочкой тебя будут звать все подряд. А вот доченькой... Доченькой назовут только папа с мамой». И улыбалась так грустно немножко. Но вот папы нет. Осталась одна мама. И где же это? Где же «доченька»? Только и слышно – Лера, Лерка! А она даже просто Андреем не называет – только Дю-не-чка. *его*

Мама больше её не любит.

В глубине души Лера понимала, что мать упахивается на двух работах и умудряется ещё подрабатывать, что она устала, что ей тяжело. Что она света белого не видит. Но не могла перестать обижаться. Не могла перестать ощущать боль в груди при одной мысли о маминих словах: гадина. Гадина, дрянь. Змея подколотная.

Если б на свете не было Дюньки, маме не пришлось бы так много работать. В ней находились бы ещё силы любить свою доченьку. И сейчас, в тридцать семь, она не выглядела бы как пятидесятилетняя, она была бы красивая, молодая, много смеялась бы. И папа не бросил бы их. И подарил бы Лере тамагочи.

Раз я гадина, подумала Лера, то и буду гадиной.

Сдёрнув со шкафа куклу, она принялась шептать ей на ухо.

Открыв дверь, мама заглянула в спальню. Дюнечка сидел на ковре, играя со старыми Лериными кубиками. Лера за столом читала хрестоматию по литературе при жёлтом, тусклом свете настольной лампы.

– Уроки делаешь? – спросила мама.

– Угу...

– Идём ужинать.

За столом толком не разговаривали. Недавнюю ссору никто не обсуждал, делая вид, что всё нормально. Лера вяло тыкала вилкой посыпанные сахаром макароны, пока мама с ложки кормила брата рисовой кашкой. Дюнька плевался и пускал слюни.

– Спокойной ночи, – пожелала Лера маме, но в ответ слышала лишь скомканное, рассеянное «ага»: мама торопилась искупать Дюньку перед сном.

Спали они с братом в одной комнате. Мама забирала его, когда он болел, и укладывала рядом с собой в постель. Так ей было проще контролировать его самочувствие по ночам.

Почистив в кухне зубы, Лера легла на тахту и читала, пока мама не привела умытого, порозовевшего и взлохмаченного брата и не уложила его в кровать. За окном над тихой, опустевшей улицей раздался протяжный и глухой гул гудка ДМЗ. Значит, уже 10 вечера.

Мама выключила в комнате свет и закрыла дверь. Дюнька водил пальцем по ковру на стене, это было его ритуалом перед сном. Лера засыпала с мыслью о том, что волшебство призыва, конечно, не сработает – она же не маленькая, чтобы верить в такое, – но как было бы здорово, проснувшись, никогда больше не видеть брата.

Сперва Лере казалось, что тихое постукивание ей снится. Но оно становилось всё настойчивее, всё требовательнее, громче. Лера открыла глаза и сонно моргнула несколько раз.

В комнате было темно и душно. Непонятный стук доносился словно бы издалека, но в то же время совсем рядом. И как будто бы... нарастал?

– У-у-у-ум-м-м-м...

Лера дёрнулась, но это оказался всего лишь Дюнька. Брат не спал. Он залез в изголовье кровати, с ногами усевшись на подушку, и раскачивался, монотонно мыча.

Стук не прекращался. Лера села, натянув одеяло до груди, и огляделась по сторонам. Ничего вокруг не изменилось, знакомая, давно надоевшая обстановка оставалась той же: высокий платяной шкаф у двери, у противоположной стены около окна – её письменный стол, рядом стояли тахта и книжная полка, около другой стены – узкая Дюнькина кровать. У кровати – ящик с игрушками, на стене – старый ковёр, на полу – кубики, разбросанные альбомные листы.

Тук. Тук. Тук...

Дюнька снова замычал, кусая уголок одеяла. Стук доносился отовсюду. Скоро это уже был набат, оглушительный грохот, и Лера не понимала, как он ещё не перебудил весь дом, как мама может спокойно спать, когда творится такое...

И неожиданно всё прекратилось.

Тихо скрипнула, открываясь, дверь.

Только тогда Лера поняла, что это был не стук. Это были шаги. Но в комнату гостья вошла неслышно. Лера видела её светлый силуэт, белоснежное платье, почти светящееся в темноте. Страх она почему-то совсем не чувствовала.

– Деточка моя, – произнесла незнакомка.

Дюнька дико замычал, глаза его вращались в орбитах, изо рта текла слюна. Приблизившись, женщина положила руку ему на лоб – и брат затих, молча глядя на неё исподлобья.

– Ш-ш-ш, вот так, – прошептала гостья. – Всё будет хорошо.

Затем она повернулась к Лере.

– Ну, здравствуй, солнышко моё! Вот мы и встретились! – Её голос искрился неподдельной радостью, радостью от долгожданного воссоединения. – Не верила, что я приду, правда? А? Ну признайся.

Она присела на краешек тахты. Лера уставилась на неё. Самая обычная женщина, курносая, с морщинами в уголках карих глаз. Никаких бородавок, никаких торчащих изо рта клыков. Ни железных ногтей, ни скрипучего старческого голоса. Даже седых лохм нет: просто не особо толстая русая коса, лежащая на плече.

Незнакомка улыбалась ей, её глаза смеялись, а Лера не понимала, откуда взялось это чувство смутного узнавания. Словно в гости заглянула тётя, тётя, которой у Леры никогда не было; далёкая, почти позабытая, но все же родная, «своя». И вслед за этим пришла... Не догадка даже, а чёткое знание: эта женщина не причинит ей вреда. Она не будет варить её мясо, чтобы добраться до тонких детских косточек, она не съест её, не украдёт, не превратит во что-то гадкое.

Протянув руку, женщина погладила Леру по волосам, ласково коснулась щеки. Прикосновение было прохладным.

– Ну что, пойдёшь со мной? Или передумала?

Лера ещё раз окинула взглядом комнату, потом посмотрела на Дюньку. Брат сжался в комок и не отводил от неё взгляда; в его светлых испуганных глазах застыли слёзы.

Лера качнула головой:

– Не передумала.

Женщина поднялась и протянула руку. Лера схватила её ладонь. Вместе они вышли из комнаты.

– Пока, Дюнька, – шепнула Лера брату, и он тихо, горестно завыл, раскачиваясь из стороны в сторону.

Лупоглазая кукла осталась лежать на Лериной подушке.

Держась за руки, Лера и женщина покинули квартиру и вышли на улицу. Вместе они пошли вперёд и шли, пока не погасли городские огни, а вслед за ними и звёзды. Рассвет не наступил.

Лера и её наставница, её учительница, её новая настоящая Мать шагали в тишине, окружённые тьмой, и, когда тьма запахла прелыми осенними листьями и мёртвыми мышатами, сырой землёй, укрытой старой хвоей, когда она запахла ветхостью и пылью, гнилым деревом и старой паутиной – тогда Лера улыбнулась, чувствуя, что наконец-то пришла домой.

ИСТОЧНИК

Приазовские и причерноморские степные зоны были всегда привлекательны для кочевников. Сюда устремлялись скифы, половцы и другие кочевые народы, а вместе с ними и их культура.

До нашего времени сохранились многочисленные статуи, которые называют каменными бабами. Высота скульптур составляет 1—4 метра. В изображении просматриваются образы воинов и женщин. Сегодня скифские бабы установлены возле Донецкого краеведческого музея.

История о матери, потерявшей дочь, как и миф о стонах, доносящихся из канализации, относятся к местечковым «страшилкам» и неофольклору Донецка.

Коряга

Алиса Горислав

На берег вынесло жутко скрюченную корягу.

Этим июнем, дождливо-пасмурным, когда небеса изрыгали злостно рыдающие потоки воды, да такие, что противоположный берег Камы, высокий скалами, становился чёрно-белым, река особенно бурлила, недовольно и строго. Ни один рыбак не рискнул бы выйти в её воды; и слышно рёв было даже из деревушки, ютившейся среди скрипучих вековых сосен, и казалось даже, что из реки выходит всякая нечисть нехорошая, а потому старухи и старики ворчливо наказывали детворе держаться поодаль и не гневать лишний раз норовистую Каму. Унялись и вечно стреляющие друг в друга пароходы – серые от боевой копоти громады, стремительным ходом прорывающие багрянящиеся кровью воды; и не сновали туда-сюда баржи-батареи, и стихли людские вопли – то тонущих, умоляющих в последний момент о пощаде, то ликующе-радостные, когда очередной гигант шёл к каменному дну, изрыгая дым последнего хождения по воде, то жалобно-стонущих ранениями.

Где-то там шла война, а в тихом Левшино продолжалась скудная жизнь, будто не прибывало к берегам тела погибших, и не важно, красных или белых, между которыми Уллына разницы так и не поняла – все после смерти одинаковые. Покрытые голодными речными раками, распухшие от воды, ставшей последним пристанищем несчастного, все мокрые (вязь букв на тугументах расплывалась неопрятными кляксами, и никто бы не смог, пусть даже бы умел, прочитать имя несчастного), с перекошенными лицами, с пустыми брюхами – кем они были при жизни? Первыми помощниками величавых капитанов; инженерами, чьи гении творили водные махины; простыми матросами, брошенными под беспощадный мясницкий нож войны? Уллына часто вглядывалась в их лица, старые и молодые, красивые и искореженные, синие и белые, будто бы могла прочитать их историю, но, увы, этого не происходило; а потому – порой придумывала сама, что с ними случилось до смерти. Сердобольные деревенские перетаскивали тела аккуратно и хоронили, хотя, может, беда была даже не в сострадании, а в нежелании помереть от какой болячки: всем ведь известно, что трупы имеют дурное обыкновение гнить, а гниль – источник заразы, косящей всякого без разбору. Умирать никто не хотел, пусть смерть и дышала в спину каждый день, выдыхала копотью пароходных труб, скованных броней, гудела, трещала и визжала винтами, сломленными на мелководье.

Хоть и зима нескоро должна наступить, но бабушка уже бранилась турупайкой, жаждущей вот-вот разорвать ледяными когтями всякого, кто впадёт в немилость, но Уллына пропускала мимо ушей её увещевания. Уллына турупаек не боялась – только вздыхала; некогда ученица инженерного техникума, после захвата Перми чекистами она сбежала в родную деревню: в городе становилось опасно, да и смотреть на это все не хотелось. Казалось, если закрыть глаза, спрятаться, как в далёком детстве, под одеялом, то никакой барабашка тебя не достанет и за ногу не схватит, и мир в такие моменты вокруг будто перестаёт существовать, и ты сосредотачиваешься на своём дыхании, и под одеялом становится дышать густо и тяжело – так, что клонит в сон; и ничего не страшно больше, и грядущее не нависает свинцовой громадой, и белый пассажирский лайнер, радостно рассекающий воды Камы, гудит людям на пристани, и мел скрипит по доске, и перо скользит по бумаге, и чертежи скрипят под линейкой.

Это только потом она узнала, что бояться надо не барабашек и не турупаек. А, в основном, того тёмного, тягучего, страшного, липкого, гадкого комка внутри, похожего на разлитую нефть.

Как бы то ни было, но коряга привлекла внимание Уллыны: в голове смутно вставляли истории о шишигах, чов юса нывах и прочих русалках, сидящих насоснах да расчёсывающих волосы. Когда-то сосед рассказывал, мол, его прапрадед как-то гребень у шишиги украл, а та

ночью пришла ломиться, вся мокрая, с водорослями и раками, стучала в окна, гребень требовала, так прапрадед через окошко его передал, и шишига была такова – тут же прочь пошла! Деревенские бабки говаривали, что коряга – к несчастью, а другие им отвечали, дескать, и без коряги понятно, что добра им не видывать, и что житьё станет хуже, и что голод грянет, и что зима тяжкая будет, и что мрачнее и жутчее никогда не бывало, даже в войну настоящую, всемирную и кровавую, завалившую землю мертвецами.

Бог, говорили с придыханием, всех оставил, насмотрелся уж, люди каковы, покачал седой головой да сгинул, равно что шишига со своим гребнем злосчастным. Батюшка церковный, должно быть, таких неверных гонял бы, да вот только и без того занят был: надо же кому-то отпевать всех усопших, прибитых к берегу.

Уллына села на мокрую и холодную корягу, и ветер тут же пробрал её до костей. Рябистая вода никак не успокаивалась, и Кама шумно дышала, будто бег по уральской земле её безмерно утомил, но остановиться она никак не могла бы: надо питать земли, надо связывать города и деревни, надо переплавлять грузы, каких становилось все меньше и меньше. Когда-то Уллына наблюдала, как по реке плывут гружёные солью баржи – из Соликамска, конечно; как сплавляют поваленные, разбитые на бревна деревья, как иные из них тонут или прибиваются к берегу; как лодчонки с сетями тащат за собой знатные уловы, чтобы обменять в городе на новые сети или винты для лодок: уральские воды стачивают один за другим, не зная пощады, и жадно вгрызаются в каждого, кто пытается прорваться сквозь них.

Зашуршала галька за спиной: кто-то шёл, тяжело и неторопливо, будто тащил какую ношу на плечах. Уллына обернулась, но никого не увидела – только ветер встрепал волосы и запустил холодные пальцы под кожу. Стало зябко; поёжилась, и зубы застучали друг о друга, но идти никуда не хотелось, уже из упрямства. Где-то в отдалении загудело: слишком далеко, чтобы вдруг выполз из-за деревьев, обивающих крутой поворот Камы, корабль, но достаточно близко, чтобы услышать. Уллына невольно встала, смотрелась в густеющие сумерки, но как бы ни всматривалась, никого не показалось. И по воде никто не проплыл лицом вниз или незрячими глазами к небу.

Снова шелест.

На этот раз Уллына оборачиваться не стала – и услышала голос:

– Не мерзно одной тут сиживать?

Кто разговор завёл, Уллына не поняла: не то старуха, не то девица, не то старец, не то юноша. И не местный, иначе бы узнала: трудно не узнать, когда на всю деревню – человек тридцать.

– Мерзно, – честно призналась она.

– Но не уходишь, – утвердил незримый собеседник. – Сидишь тут одна на коряге, на реку глядишь и о кораблях думаешь?

Что отвечать пришелице, Уллына не знала – только кивнула.

– Говаривают, когда корягу из реки выносит, то ждать тяжёлого года.

– Чего говаривать, – отозвалась Уллына. – Год и так тяжёл. И этот, и предыдущий, и все те, что до него. Отчего ждать, что дальше будет лучше? Хуже ж только становится.

Послышался смешок, булькающий, будто кто-то каменный блинчик бросил в воду, и тот, трижды ударившись о гладь, потонул.

– Так и есть. – Уллына почему-то уверена была, что незнакомка кивнула. – Счастья ждать не стоит, не обманывайся. Но коряга – знак, что быть дурному совсем скоро.

– Вечно все говорят, что быть дурному. А куда хуже-то? И не кажется никому, что лучше вовсе никогда не становилось? – Уллына хмыкнула. – Так с чего бы вовсе всем этим гадателям, прорицателям и прочим менять предсказания, когда работает?

– Ни во что не веришь, да?

– Почему же? – Она пожала плечами, так и не поворачивая головы на пришелицу рядом, будто останавливало что, нащёптывая настойчиво: не надо. – В человека верю.

– И не обманывалась?

– В том и смысл веры в человека: когда знаешь, чего ждать, то не изумляешься.

Незнакомка издала странный звук, как когда, погрузившись с головой в озерцо с подругами, смеёшься, и пузыри, окутывая на мгновения твоё лицо, выются вверх. Только вот нынче нет ни подруг, ни веселья; перед глазами снова встаёт лицо Таньки – её раздавила толпа, когда она вместе со всеми пыталась пробиться на пароход, шедший от Перми, окровавленной и сломанной; и делается так горько и больно, что хочется заплакать: щиплет глаза, и в груди встаёт болезненный ком, и носом вот-вот польются некрасивые сопли. Это только в литературе слёзы – нечто эстетичное и возвышенное; Уллына же по своему опыту знала, что рыдания – это опухшее к утру лицо, лопнувшие кровавыми сетями сосуды, мокрые алые щёки и густые сопли.

– Горько жить.

Уллына проглотила вязкую слюну, с трудом, прежде чем отозваться коротко и вяло:

– Угу.

– А хочешь, чтобы всё прекратилось? – кивнула на реку чужачка. – Чтобы ни войны, ни пароходов, ни мертвецов больше не было?

– Хочу, – шепнула Уллына.

Кто ж не хочет? Как можно хотеть, чтобы продолжалось?

В глазах пришелицы плескалась вода, сверкали тайными огнями болота, рычал водопад среди скал, бултыхались сверкучие рыбы чешуёй, и Уллына покорно шла за ней в Каму, и в лёгкие проникала сама река, и дышать было нечем – только водой; и отпевать её не стали, а бабушка не снимала траура до самой смерти.

Шёл к середине июнь 1919 года.

Корабли отходили к Левшино.

Уллына и не незнакомка боле, но не сестра, не та, какую назовёшь родной, новой семьёй, но всё ещё важная часть новой жизни – товарка, присматривались издалека. Не то чтобы их волновала политическая подоплёка событий; не то чтобы важно было то, что те люди, на берегу, потрошащие корабли, чтобы отправить их кусочки в Сибирь по приказу Колчака, – белые; не то чтобы бадь вужьи поддерживали красных и потому изыскали способ белым навредить – искать такой смысл в их действиях было бесполезно. Тех, кто бежал, они не трогали – только смотрели, как моряки с благородного «Александра» (Уллына шепнула беззвучно это имя, словно выступившее из далёкого прошлого) скрывались в ночи.

Небо светлело, ожидая рассвета.

– Гляди, – булькнула Уллына. – Готовят цистерны.

Товарка спрашивать, что это, не стала: ей хватило чёрной жижи и сверкнувшего в глазах Уллыны пламени, чтобы понять, к чему всё идёт.

– Потравят реку, – добавила Уллына на тот случай, если её не поняли, но товарка кивнула. – Надо замедлить течение. Сможем?

– Потопи соломовый плот, – одними губами шепнула бадь вужья. – Он там, выше. Огонь любит солому.

Добраться до плота Уллына не успела самую малость: пламень, стремглав пробежавшись по нефтяному потоку, сверкающему переплетно на глади воды, взгрязся в солому, а ветер направил плот ровно к кораблям. Они смыкали ряды плотно, как воины древности, и без трепета, пустыми иллюминаторами, уставились на огонь; он обнимал их всех сразу, не зря разбора.

Над Камой и Чусовой клубился серый дым, а суда опускались на дно.

Они ничего не смогли. Человек оказался сильнее.

И всё же над новыми речными судами теперь упрямо – будто не благодаря, а вопреки – развевались алые флаги – Уллына глядела на них из-под толщи воды так, что никто бы и не смог заметить. Белые пассажирские пароходы, словно из прошлой жизни, мерно прорезали острыми носами Каму, и люди, счастливые, восторженные, такие обычные, глядели в оба, прохаживались по палубам, что-то друг другу показывали на противоположном берегу.

ИСТОЧНИК

Бадь вужья – в мифологии коми, водяной дух, воплотившийся в корягу. Выглядит как обычный кусок дерева, принесённый неизвестно откуда ледоходом. Но вблизи от её местоположения обязательно начинают тонуть люди, так бадь вужья требует жертв. И только если разрубить и сжечь корягу, многочисленные смерти прекращаются.

Чов юса ныв, в переводе «девушка с реки Чов» – по коми-зырянским преданиям, женщина-утопленница с длинными волосами, которая любит сидеть при луне на ветках сосен. По легенде в омуте на реке Чов утонули молодые девушки, которые позже вернулись в виде водных духов в белых одеждах.

Бабушка, я вернулась

Валерия Калужская

– В квартире бардак, ты не обращай внимания, – предупредила Аня и крикнула вглубь тёмного коридора: – Бабушка, я дома! Я с подругой!

– Здравствуйте! – в тон ей прокричала Ольга.

Из глубины квартиры послышались шаркающие шаги. Аня успела разуться, пристроить кеды на подставку для обуви и указать на неё Ольке, прежде чем бабушка Куоманку добралась до прихожей.

– Здравствуйте, – протянула бабушка и, прищурившись, оглядела Ольку с явным подозрением. Даже, кажется, неодобрительно.

– Это Ольга, мы вместе учимся, а это бабушка Куоманку, я у неё живу, – представила их друг другу Аня. – Бабушка, мы у меня в комнате посидим, шуметь не будем, нам учиться надо.

– Учитесь, – со значением кивнула бабушка. – Кушать хотите?

– Нет, только чай будем, – отказалась Аня.

Она ловко протиснулась мимо бабушки, не задев в захламлённом коридоре ни старого шкафа, ни покосившегося комода, ни высоченную – почти в человеческий рост – стопку сложенных друг на друга газет, и поманила Ольку за собой. Та попыталась повторить манёвр, но так ловко у неё не вышло, газеты всё-таки опасно накренились, зашуршали – бабушка успела их поймать и предотвратить сход лавины, неожиданно стремительно и ловко для своего возраста.

На вид ей было лет сто пятьдесят, не меньше.

– К чаю что дать? Мёду? Пряников? – Бабушка направилась на кухню, всё так же шумно шаркая ногами.

– Я сейчас сама всё сделаю, не волнуйся! – попросила Аня, подталкивая Ольку в сторону своей комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.